

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 808.2; 087.3

Т.Б. Банкова

О СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА В «СЛОВАРЕ СИБИРСКИХ ОБРЯДОВ»

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 03-04-00427 а Т

В статье рассматривается символический компонент обрядовых единиц, помещенных в «Словарь сибирских обрядов». Выделение символической составляющей в структуре значения обрядового слова – одно из центральных положений в концепции Словаря. На основе истолкования слов-символов сибирского обряда возможна реконструкция культурной модели крестьянского бытия.

«Словарь сибирских обрядов», над которым завершается работа на кафедре русского языка Томского государственного университета, – принципиально новый тип словаря, не имеющий аналогов среди существующих диалектных словарей. Названный словарь по своему типу является лингвокультурологическим. Идея создания словарей, содержащих сведения о народной культуре, высказывалась неоднократно. В частности, О.И. Блинова указывает, что «целесообразность лексикографической параметризации народной культуры обусловлена такими преимуществами словарного способа ее представления, как: а) максимально полный охват языкового материала, обозначающего те или иные концепты культуры; б) систематизация культурологических данных на основе избранного критерия; в) разноаспектная характеристика слов-концептов в словаре (семантическая, энциклопедическая, этнографическая и т.п.); г) лаконизм и компактность представляемой информации; д) высокая степень информативности словарей» [1. С. 69].

Объектом лингвокультурологии является язык как транслятор культурной информации. Предмет лингвистической культурологии в научных исследованиях определяется по-разному. В некоторых работах это «живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [2. С. 218], в других – «язык как реализация творческого начала человеческого духа, как отражение культурных ценностей этнического сообщества» [3. С. 14]. Предметом исследования данной науки В.А. Маслова считает «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результат собственного человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах» [4. С. 11].

Настоящая работа предполагает исследование обрядового слова (ОС) как единицы, номинирующей сакральный предмет или действие и входящей в обрядовый комплекс. Обрядовая единица, становясь принадлежностью обрядового текста, выступает не в профанной, а в сакральной функции. Под обрядовым текстом понимается определенная последовательность действий, сопровождающаяся обращением к предметам, имеющим в его контексте символический смысл. Лексическая единица, участвующая в сотворении обряда, имеет уникальный пласт значения, который предлагается назвать «культурной коннотацией», или «символической коннотацией». В соответствии с этим ОС объ-

ективирует ментальную картину этноса, ценностно-нормативную систему, а также иерархию идей, целей, смыслов. Кроме того, ОС осуществляет межпоколенную трансляцию культурного опыта нации. В процессе культурогенеза культурная парадигма, отраженная в обряде, естественно корректируется этническим коллективом. В настоящий момент исторические процессы, разрушающие устои патриархальной культуры, в значительной степени трансформировали народный обряд. Почти не осталось людей, детально знающих течение обряда. Но материалы, легшие в основу составляемого «Словаря сибирских обрядов», свидетельствуют об укорененности обряда в народном сознании. Этот факт можно связать, во-первых, с консервативностью как имманентным свойством обряда; во-вторых, со словесным воспроизводством течения обряда как фактом прожитой собственной жизни. Например: *Подготавливают пиво, беono жини, вооки-то мало брали, де-нег-то не было. Как выйдут из-за стола, стол опро-стают, тогда собирают всех девок, их за стол, и по-дают им слабенъкого. Самолучшее одевают и за стол, и поют песню. Эта девка встает и поклоняется семь, а то и пятнадцать раз. Эх, миленькие, моложюь Её благословляют, она ревет, который слезливый паренек тоже плачет. А какой крепкий паренек попадется хрена заплачет. А потом ведут её в церкву, волосы по плечам раскидают, как плетётся коса, на три пряди. Цветы стлмут, а то венец не полезет. Такую черепашу посадят. А у которой голова-то маленькая платки поклаовывают. Лучшие уж платки, чем не полезет.*

Рассказчик, повествуя «о былом», очень точно воспроизводит течение обряда, употребляя слова и выражения, характеризующие свадебный обряд в его разворачивании. Эти лексические единицы для информанта – своеобразные «вехи памяти», скрепляющие этот фрагмент воспоминания в единый акт. Для таких единиц характерна устойчивость, так как они являются сузубо обрядовыми и без них невозможно воспроизведение обряда. В приведенном отрывке это *похотывают пиво* – в сибирских селах перед свадьбой обязательно варили пиво: *Расплакалась красна девица, да Красна девица Настасьишика. Дорогая моя маменька, да Для кою вы пиво варите? Для кою вы пиво варите, да То ли сына женить хотите? То ли сына нынче жените, да То ли снаху в дам припимаете? Дорогая наша доченька, да Мы хотим тебя замуж отидать* [5. С. 29]; *девка встает и поклоняется семь, и то и пятнадцать раз* – девушка обязательно должна бить поклоны, прося благословения у родителей; *её благословляют, она ревет* – во время родительского благословления невеста должна была реветь

(выть голосом, кричать с причетом); **венец** – неперменный атрибут церковного венчания.

Основой толкования обрядового слова в «Словаре сибирских обрядов» является лингвокультурологический комментарий, который совмещает энциклопедические и этнографические характеристики слова. Кроме того, толкование-комментарий учитывает всю совокупность данных, почерпнутых из диалектных текстов. Таким образом, словарная статья фиксирует вариативность лексических единиц, использующихся при разворачивании обряда в высказывании. Основным методом при толковании ОС является метод интерпретации, предполагающий опору на контекст. Например:

лента ◊ **выплетать ленту**. Ритуал проводится во время девичника (см. **девичник**, **расплетать косу**). Ленту (ленты) выплетает брат или сестра невесты. Их клали на тарелку, затем брали на память подруги невесты-проводчатки (см. **проводчатка**). Выплетенная из косы лента символизировала прощание с девичьей красотой, невинностью, молодостью. *Брат косу расплетает, ленту вынет; Брат али сестра косу расплетает, ленты красавы вынимат; Ленты, выплетенные из косы, кладутся на тарелку; Ленточку обязательно подруги берут, на память, это во время девичника было; Косу расплетают, проводчатки ленты берут, плачут над ей.*

пирог ◊ **сладкий пирог**. Подавался на второй день свадьбы. Его обязательно пекла молодуха (см. **молодухин пирог**). Вместе с пирогом жениха (см. **женихов пирог**) и пирогом, который готовила стряпка (см. **стряпкин пирог**), он использовался для его выкупа. За кусок пирога гости должны были дарить подарок (см. **кидать (класть) на пирог**). *В этот день я ничего не делала, а назавтра на сладкий пирог, тут только разворачивайся; Потом сваха делает причёску, потом сладкий пирог пекут, там его разрежут и разыгрывают. Кто что кидат; А назавтра, когда сладкий пирог, подносила и накрывала; Сладкий пирог пекут, на его кто что накидает; На другой день брачный вечер, сладкий пирог, после него стряпкин пирог.*

◊ **кидать (класть) на пирог**. Одаривать молодых на второй день свадьбы. Разрезанный на куски пирог использовался как форма обмена на подарки. *А на свадьбе много стряпков было. А ешо был молодухин и женихов пирог, это им бросали всё-всё: и деньги, и товар, и мёд. Ну как счас дарят всяки подарки, так и тогда. Токо дарить особо нечего было. Вот и кидали чо попало, правда, не барахло; Молодухин пирог – молодая стряпала. Выкупали пироги за деньги, за скотину. Кидали на пирог. «Я кидая поросенка, овечку»; На пирог кладут кто что: кто товаром, кто хлебом, кто скотиной; Мне семьдесят рублей наклали на пирог.*

В процессе работы над толкованием ОС (подробнее о способах толкования ОС см. [6. С. 22–33]) автором-составителем выделен корпус словарных единиц, которые наряду с обрядовым имеют и символическое значение, входящее как компонент в общее толкование слова. В качестве характеристики символического компонента слово толкования используются конструкции типа: *... в качестве символа..., ...символ..., ...символизирует...* и др. Так, в эпизоде обряда, где сельскому коллективу сообщается о непорочности невесты, используется символика цвета (красный – символ не-

винности, символ невесты-девушечницы; белый – символ утраты девственности невестой до свадьбы) или предмета (хомут, различные сосуды, смола и др.). Например, в качестве предметного кода используются различные сосуды (бутылка, рюмка, горшок, кружка и др.) с главным признаком целого/полого. Соответственно, целый сосуд – символ невесты-девушечницы, полый – невесты-девушечницы. *«Честную невесту честную целой посудой, а нечестную битой»; «А девушка, если нечестна выйдет, надевает хомут лошадиный. Стыд! А то ешио рюмку сделают безо дна: «Бездонная рюмка, бездонная рюмка!» А потом и рассор в семье идёт»; «Если хорошая, то тогоа целую бутылку, если нет, то дырявую чашку»; «Раньше-то построже было... дружки да полудружки они хитры были. А кака ты выйдешь замуж, свободная али нет? А на свадьбе-то матери с отцом рюмочку дыряву и подадут. Встревают-то жених с невестой, жених ей и подает рюмку-то. А доньшко приклеит ей, а оно и отпадет: мол, девка-то без доньщика. А букеты матери с отцом красные, а веник голый – значит худа невеста»; «Всяко было, если плоха, чугулку без дна». Для обозначения невесты используется хомут, который уподоблял человека тягловой скотине, таким образом данный предмет символизировал позор. Вина сельской общиной могла накладываться либо на родителей, либо на крестную мать, либо на саму невесту. Надевание хомута на одного из них свидетельствует о том, кого коллектив предаёт позору. *«Если невеста плохая, то вывернут наизнанку шубу, оденут на невесту и родителей хомут... проводили по деревне»; «А что над родителями оделали? На родительницу хомут лошадиный. Дак родительница хомут по дороге забросила и прибегла. Чтоб, значит, конфузю было тебе. А мать что? Мать дочку родит, а черт за ней бродит». «Раньше лёлька за невесту ручается, что она честная. На лёльку хомут наденут, если соврёт».**

Таким образом, используя метод интерпретации, означенную словарную единицу можно истолковать так:

хомут ◊ **надевать хомут**. Надевается на родителей или на крестную мать, а также на саму невесту как символ позора или знак невесты, вступившей в брак невесты-девушечницей.

рюмка ◊ **рюмка без дна**. Используется на второй день свадьбы в качестве символа невесты, вступившей в брак невесты-девушечницей. Как правило, рюмка выставляется родителям невесты.

Подобные единицы будут впоследствии вынесены в приложение к «Словарю семейных обрядов», которое предлагается назвать «Символы сибирской свадьбы». Главная задача задуманного словаря – толкование лексических единиц, имеющих символическое значение, что, по-видимому, является одной из главных задач лингвокультурологии (см. выше определение лингвокультурологии В.А. Масловой). Заметим, что упомянутые слова-символы несут особую культурно значимую информацию и становятся показателем этнического сознания и культуры. Инвентаризация слов-символов сибирской свадьбы позволит собрать в единый комплекс этические и эстетические представления этноса (об идеальном, плохом и хорошем, нравственном и безнравственном, нужном и ненужном и др.) и продемонстрировать народную идею о

правильном проживании жизни. Она также необходима для расшифровки понимания генезиса символических действий. Более того, всякий «ритуал и символика обладают онтологической ценностью» (В. Тэрнер. Цит. по [4. С. 19]), следовательно, их декодировка обеспечит проникновение в народную философию.

По авторитетному утверждению В.В. Колесова, «понимание символа возможно только посредством понятия – тут и происходит подмена, поскольку символ понять невозможно, он должен быть истолкован» [7. С. 179]. В настоящее время существует много словарей символов, но представляемый словарь будет выгодно отличаться от них следующим: во-первых, в его основе данные живой речи диалектоносителей, что обеспечивает объективность картины бытования слова-символа; во-вторых, составителем учитывается вся совокупность имеющихся в картотеке контекстов, чем будет достигнута стереоскопичность репрезентации слова-символа; в-третьих, качество достоверности материала определяется тем, что контексты-иллюстрации являются фрагментами повествования о личной прожитой жизни информантов.

Предполагаемая ценность словаря усматривается и в том, что он будет показателем для демонстрации универсальности народного мировидения: вещный, предметный мир, явленный в ОС, соединяет в себе функции профанную и сакральную. Традиционные диалектные словари учитывают только профанную функцию слова, в них истолковано значение бытовой реальности. Например, в Вершининском словаре слова-символы сибирской свадьбы **деньги**, **вино**, **шуба**, **цветы**, **венник**, **полотенце** и др. истолкованы только как бытовые реалии: **венник** – связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане; **полотенце** – изделие из ткани в виде узкой полосы, предназначенное для вытирания чего-либо. // Обязательная часть приданого невесты; **вино** – алкогольный напиток, получаемый обычно в результате брожения винограда. Словарь нового типа репрезентирует сакральное значение слова, воплощая в языковых формах присущее народному сознанию единство материального и идеального, цельность мировосприятия этноса.

В словаре Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» читаем: «Слово *водка* определяется в толковых словарях русского языка так: «алкогольный напиток, смесь очищенного спирта с водой» (сл. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1992); «алкогольный напиток, разбавленный водкой винный спирт; хлебное вино» (сл. под ред. Д.Н. Ушакова) и т.п. Но этим определяется не слово, а предмет, им называемый... Слово *водка* как слово русского языка, а тем более в Словаре концептов русской культуры, должно быть определено еще со стороны несомного им понятия культуры, концепта.

Путь к этому намечен (но лишь едва) в приведенных словарных толкованиях: водка – это крепкий алкогольный напиток, т.е. нечто, что употребляют, пьют ради алкогольного опьянения. Вот в таком виде это слово и предмет входят в русскую культуру и составляют в ней прискорбную тесную «связку» «водка – пьянство». Именно в факте этой связки лежит ключ к пониманию их истории и места в русской культуре» [8. С. 292].

В «Словаре символов сибирской свадьбы» водка и вино имеют множественную символику. Каждый эпизод обряда закрепляется питьем алкогольных напит-

ков, но вовсе не ради опьянения, а как символ завершения эпизода обряда и перехода к новому после закрепления предыдущего.

1. В эпизоде просватанья (сватовства) употребление водки – символ согласия родителей невесты на брак (или обмена). *Жених ставит на стол вино или водку, это просватанье. Через неделю опять приезжает жених с друзьями, с подарками; Есть водочка, водочку пьют сразу после сватовства.*

2. Во время рукобития наряду с полотенцем водка или вино – символ согласия, единения семей. *Рукобитие делают. Жениху подают рюмку вина, жених пьет, прикушает; Во время рукобития сваты и родители невесты выпивают по рюмке водки.*

3. В эпизоде заламывания ворот (выкуп ворот) водка – символ платы, замена денег, пропуск в следующий эпизод. *Ворота заламывают когда невеста сидит за столом, выпивают, а незнакомые люди заложат ворота оравали. К ним выходят, выносят вино; Раньше свадьбы были с колокольцами. Выкупали за ворота четверть вина; Ставят палки, чтобы им поставить вина, когда водки, тогда откладывают ворота; Раньше поездом приезжали – ворота заламывали, ставили вина, сколько спросят. Стоп! Ставь! Тогда ворота открывали, поезд запускали.*

4. В «выкупе косы» водка – заменитель денег. *Невеста готовится, сидит в куте, жених сам выводит её из куты. Девки-покружки и маскированные и стучит плеткой и рюмка у него. Налиют вина: сильнее стучит. Мало. Тогда ложат деньги, и потом уж висит, много нажидали, посчитает, который возьмет сколько-нибудь себе, остальные возвратит; Выкупают косу, сперва нальют вина, торжуются, а потом уж деньги ложат на тарелку.*

5. В эпизоде, который называется «блины», водка – символ благодарности молодых за полученные подарки. *Свадьба, к ветру едут в церковь, Привезут, за стол посадят, косы ей заплетут, по-бабьему платок завяжут. Тогда едут на блины зазывать. Все собираются на блины, подают рюмку водки, а там подарки ложат на стол; Гуляют неделю, большие косяк. Первый вечер жених и невеста только сидят. А второй вечер они угощают. Она подаёт ходит со стаканом вина или водки. Вы берёте и что-нибудь кладёте.*

6. В эпизоде «стряпкин стол» с водкой или вином стряпка обходит всех гостей. Алкогольные напитки в этом случае – тоже символ благодарности гостям, так как за рюмку вина гости кладут на поднос стряпке деньги, плату за хорошее угощение и усердие. *Стряпка всех гостей обходит, выпивает стопку водки, и деньги ей взамен, кто сколько положит.*

В качестве метафоры алкоголя употребляются и различные емкости (бутылка, стакан, рюмка, рюмочка, стопка, стопочка): *Всё стряпка вынесет и поставит всё на стол на большем подносе, рюмки всех обнесёт, всё призовет, деньги на пирог стряпке; Во время свадебного пира гости вызывают стряпку: «Стряпушка, ешь тушку. Рюмочку выпивай, нам переменушку на стол подавай»; Встречают поезд с рюмками, приговаривают: «Стряпушка-матушка, есть ноженьки, подбеги, горлушко промочи»; Садятся за столы, сперва подают молодым из одной рюмочки потить водки, чтоб дружнее жить.*

В «Вершининском словаре» [9] из восьми словоупотреблений, зафиксированных в картотеке, шесть имеют обрядовое значение. В названном словаре значение слова определяется как «уменьш. к рюмка, небольшой, обычно стеклянный сосуд на ножке, употребляемый для питья спиртных напитков: *Молодые не пьют, только одну рюмочку наливают на двоих, и они пьют по очереди, то он, то она; Я вышла замуж, у меня рюмочка сохранилась. грамм тридцать, конечно, было.* Иллюстрации, приведенные в словаре, фиксируют символическое значение слова. Невесте с женихом на свадьбе подавалась одна рюмка. Питье из одной рюмки символизировало соединение молодых, такой предмет бережно хранился в крестьянских семьях наряду с другими атрибутами свадебного обряда: полотенцами, вуалью невесты, цветами, которыми был украшен убор девушки.

Некоторые лексические единицы, которые будут помещены в составляемый словарь «Символы сибирской свадьбы», имеют единичное символическое значение. Например:

Шуба, вывернутая наизнанку, символизировала богатство, которого желают молодым во время свадьбы или новорожденному в крестильном обряде. На шубу садили молодых, клали новорожденного, ее надевали родители, ее выкупали в эпизоде выкупа невесты: *Отец невесты и жениха одевали шубы, вставляли друг против друга, били по рукам с приговором: «Жить да богатство, друг друга любить»; Брат невесты шуба вывернута, сидит, шубой торгует, выкупает шубника; Молодых после венчания на шубу сажали, чтоб богато жили; Ребёнка постригут, намажут мирром головку и тело. Волоски и кусочек от свечки и бросают в купель. Если утонет, то ребёнок помрёт. Мальчика носят за царские оверти, а девочку нет. С церкви придут, шубу вверх шерстью положат и приговаривают: «Мой хресник как был под крестом, так чтоб*

стал под венцом. И как шуба косматая, так был бы мой хресник богатый».

Шаль во время свадебного обряда является оберегом, ею закрывали либо молодых, либо только невесту, чтобы сохранить от сглаза и порчи во время плетения двух кос; шаль, повязанная на голову невесты, также символизирует, что новобрачная перешла в новый социальный статус – стала молодухой: *Закрывают невесту одеялом или большой шалью, разделяют ей на две половины косынку; Сядут за стол, тогда свахи закрывают молодуху шалью и плетут две косы; Встречают хлебом с солью. Две косы шалью закрывают и плетут; Когда оевулика замуж выходит, так у неё коса одна была. А тут её под шаль сают. И жених заплетает ей косу одну, оружую кто-то оружей. Потом косы уже по-бабы завязывают платочками. Тады уж молодуха не снимает платка; Едут в церковь, оттуда приезжают, гуляют, тогда молодых закрывают шалью.*

Современная лингвистика народоцентрична, поэтому актуальным на данный момент является собирание в единый «языковой мир» всех фактов, относящихся к духовной культуре. Именно лексикографии как науке о составлении словарей по силам снять дистанцию между научным лингвистическим знанием и народом – носителем языка. Особая нагрузка ложится на лексикографов, составляющих словари лингвокультурологического типа. Национальный компонент словесного знака, включенный в дефиницию слова, позволит установить в нем вневременную семантику, связанную с мировидением народа, его национальным самосознанием. Чрезвычайную ценность имеют в этой связи лингвокультурологические словари, построенные на диалектном материале. Крестьянская культура, сохранившая архаичные черты, представляет в словесных знаках первоосновы русского мышления; в диалектном языке живут представления, пришедшие в русскую культуру из глубины веков, в нем сохранились корни природного бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Лексикографическое исследование духовной и материальной культуры этноса // Этноссы Сибири: Язык и культура Ч. 1. Томск, 1997.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. Коширная С.А. В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. Белгород, 1999.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
5. Пархоменко Н.К. Русские народные песни Томской области. М., 1985.
6. Банкова Т.Б. Словарь сибирских обрядов к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
7. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
9. Вершининский словарь / Главный ред. О.И. Блинова. Т. 1–7. Томск, 1998–2002.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 5 марта 2004 г.

УДК 801.3

Е.В. Бельская

ПРОБЛЕМА ИНТЕНСИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации и государственной поддержке ведущих научных школ (грант № НШ 1736.2003.6) и молодых российских ученых – кандидатов наук (грант № МК 3378.2004.6)

В статье рассматриваются этапы исследования интенсивности в рамках лексикологического направления. Особое внимание уделяется собственно лексикологическому описанию интенсивности с точки зрения семасиологического, ономазиологического и мотивологического подходов. Статья носит историографический характер.

Первые обращения к вопросам, непосредственно связанным с разработкой проблемы интенсивности, содержатся в трудах М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского и др. Наблюдения, носившие

иногда характер отдельных замечаний, имели принципиально важное значение для всего последующего изучения проблемы интенсивности.

Значительный всплеск интереса к проблеме интенсивности в отечественном языкознании наблюдается в